

Долганев Е. Е. Современная Абиссиния: Важнейшие монастыри.
(Из рассказов туземца) // Богословский вестник 1896. Т. 4.
№ 12. С. 432–445 (3-я пагин.). (Окончание.)

СОВРЕМЕННАЯ АБИССИНІЯ.

Важнѣйшіе монастыри.

(Изъ рассказовъ туземца).

Самый древній монастырь Эѳіопіи Дебре-Дамо, основанный аббою Арегауемъ, находится въ царствѣ Тигре, въ провинціи Адуа. Образъ жизни монаховъ этого монастыря заимствованъ изъ египетской Нитрійской пустыни. Монастырь расположенъ на высокой столовидной скалѣ, неприступной, какъ крѣпость. Взобраться на нее возможно только при посредствѣ веревки, которую спускаютъ въ необходимыхъ случаяхъ съ вершины скалы. Веревкой поднимаютъ на гору людей, животныхъ и всякій грузъ. Скала Дамо служитъ еще мѣстомъ ссылки тяжкихъ преступниковъ благороднаго званія, которыхъ содержатъ тамъ безъ особыхъ стѣсненій, такъ какъ уйти со скалы не представляется возможнымъ. Природа скалы Дамо считается одной изъ лучшихъ въ страпѣ. На плоской равнинѣ по верхушкѣ скалы раскинуты рощи оливокъ, яблонь, апельсинъ, лимоновъ. Въ чащѣ деревъ, въ прохладѣ ютятся манапескія хижинки, а въ самомъ центрѣ блеститъ золотымъ крестомъ соборъ. Не смотря на большую высоту, на поверхности скалы есть много колодцевъ, большею частью представляющихъ изъ себя крутыя разсѣлины, на днѣ которыхъ находится холодная вода; есть также множество ключей и источниковъ. Каждую ночь въ дебре-дамскомъ саду раздаются вопли молящихся анахоретовъ, и въ тоже время слышится грохотъ цѣпей у гуляющихъ преступниковъ. Съ каждымъ преступникомъ закованъ въ цѣпи благородный юноша, обязанный веселить и развлекать сановнаго зло-

дѣя. Среди ссыльныхъ попадаются закованные въ золотыя цѣпи, отличающія родственниковъ императора или вообще лицъ царской крови. Такимъ преступникамъ доставляются на скалѣ всѣ удобства и всѣ присущія ихъ сану почести. Каждого окружаютъ толпа вѣрныхъ слугъ, ушедшихъ за своимъ господиномъ въ ссылку.

Абиссинскій народъ считаетъ Арегауя еще живымъ и думаетъ, что онъ живетъ внутри скалы, въ одной изъ темныхъ бездонныхъ расщелинъ, и что входъ туда оберегаетъ громадной величины змѣй, устрашающей всякаго, кто задумалъ бы проникнуть въ келью Арегауя. Чернѣющее жерло пропасти служитъ предметомъ почитанія всѣхъ благочестивыхъ туземцевъ. Въ день памяти Арегауя вокругъ входа въ расщелину собираются толпы богомольцевъ и священники; послѣдніе, при участіи хора, прославляютъ подвижника, какъ живого, относя свои хвалебныя восклицанія въ глубину пропасти, въ то мѣсто, гдѣ стоитъ будто бы въ молитвенномъ положеніи Арегауй. Народъ убѣжденъ, что онъ молится тамъ за всю Абиссинію, и благодаря его молитвамъ страну Эіоповъ никому не осилить.

Другой старинный монастырь Абиссиніи, возникшій немного позднѣе Дебре Дамо и основанный ученикомъ Аввы Арегауя Текле Хайманотомъ, находится въ государствѣ Шоа, на высокой горѣ, называемой „дебре Либаносъ“—гора Ливанская. Восхожденіе на гору совершается спиралью, отчего путь необыкновенно удлиняется: начиная отъ подошвы до вершины путь совершается въ $1\frac{1}{2}$ —2 дня. Вся Эіопія высоко чтитъ аббу Текле Хайманота; ко дню его памяти (24 октября) несметныя толпы богомольцевъ, стекающіяся со всѣхъ царствъ обширной имперіи, восходятъ на гору Ливанскую. Весь народъ располагается на площади, раскинутой предъ соборомъ авуны Текле Хайманота. Одновременно съ церковнымъ торжествомъ, съ 24 октября на площади открывается оживленный рынокъ; въ теченіе двухъ недѣль—до окончанія праздника здѣсь продаются молитвенники, псалтири, евангелія, четки, пергаментъ (брошя), матеріи для монашескихъ одеждъ, какъ-то: жесткій шерстяной макъ (сукно), кожи (дабба), звѣриныя шкуры (довола); продаются и готовые монашескія одѣянія: власяницы, хитоны изъ крашеной телячьей кожи, борнусы (накидки въ

родѣ фелони), пояса, ковы (камилавки) и проч. Богомольцы содержатся на Ливанской горѣ въ теченіе двухъ недѣль бесплатно, питаются отъ щедротъ благотворителей. Богатые христіане ежедневно устраиваютъ для народа обѣды и ужины, закалая тучныхъ тельцовъ и овецъ, выкатывая на площадь бочки съ медомъ и пивомъ, раздавая всѣмъ хлѣбы, вкусно выпеченные изъ тефа или дагусы.

Подъ 24-е октября въ соборѣ Ливанскаго монастыря въ 6 часовъ вечера начинается благовѣсть, созывающій народъ на торжественную вечернюю службу — „озима селляси“. Вся служба состоитъ изъ импровизированныхъ гимновъ (к'не), сочиненныхъ къ празднику дабтарами соборнаго хора. Къ 24 октября дабтары особенно усердствуютъ и ихъ к'не выходитъ тогда на славу. Народъ послѣ исполненія каждаго гимна приходитъ въ такое возбужденіе, что, не смотря на святость мѣста, громко аплодируетъ, стуча посохами и произнося вполголоса: ивѣдж! ивѣдж! (браво).

Въ одномъ старинномъ гимнѣ авва Текле Хаймонотъ восхваляется въ такихъ выраженіяхъ:

Привѣтствую рождество твое, ибо
Безплодна была мать твоя Леба, но
Предзнаменованіе о тебѣ отъ Ангела пріяла.

Текле Хаймонотъ! подобенъ ты солнцу,
Которое управляетъ временами.
Напомнила землю слава твоя отъ края до края
И сіяніе твое небеса облистало.

Дебре Ливанскій монастырь имѣлъ важное значеніе въ церковной исторіи Эеіопіи. Онъ былъ всегда разсадникомъ просвѣщенія и давалъ направленіе мысли туземнымъ богословамъ. Въ теченіе вѣковъ въ его стѣнахъ развивалась и крѣпла богословская наука. Образъ мысли дебре-либаноспевъ былъ однако камнемъ преткновенія для многихъ и вызывалъ горячіе споры между эеіопскими учеными, идущіе на всемъ протяженіи вѣковъ отъ IX до XIX.

Третье мѣсто въ счетѣ монастырей отводится туземцами монастырю св. Лалибелы, въ области Ласта. Изъ лѣто-

писей Абиссиніи мы узнаемъ, что св. Лалибела (жилъ въ XII вѣкѣ) былъ абиссинскимъ императоромъ и происходилъ изъ племени евреевъ фалашанъ, населяющихъ провинцію Самень. Владычество фалашанъ, незаконныхъ восхитителей эіонскаго престола, длилось отъ VIII до XIII в. Въ теченіе этого времени абиссинскія лѣтописи не называютъ царей даже по имени, — словомъ отдѣляются упорнымъ молчаніемъ, но дѣлаютъ исключеніе въ пользу одного Лалибелы, пользовавшагося въ народѣ симпатіями за свое благочестіе и гуманные поступки. Онъ далъ убѣжище христіанамъ, бѣжавшимъ изъ Египта отъ преслѣдованій мусульманъ, показалъ себя ревностнымъ въ сооруженіи храмовъ, употребивъ на работы искусныхъ каменщиковъ, оказавшихся въ числѣ египетскихъ бѣглецовъ. Замѣчательнъ сооруженный имъ храмъ, сохранившійся доселѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь монастырь св. Лалибелы. Храмъ имѣетъ видъ пещеры, высѣченной въ нѣдрахъ гіацинтовой горы; въ пещеру ведетъ узкая галлерей, начинающаяся у подошвы и ведущая въ мрачную глубь. Паломники, останавливаясь недалеко входа, любуются изображеніями, украшающими поверхность площади, раскинутой у подошвы горы: по каменистой почвѣ площади прямо подъ открытымъ небомъ высѣчены на вѣчныя времена изображенія райа и ада, — райскихъ блаженствъ и адскихъ мученій. Площадь легла нѣсколько наклонно отъ горы и зрителю изображенія видны очень ясно. Направо находится картина райа, налѣво — ада. Посрединѣ между обѣими картинами идетъ узкая тропа, возводящая путника ко входу въ галлерей. Надъ самымъ входомъ — вверху и по сторонамъ его тоже высѣчены прямо на гіацинтѣ разныя священныя изображенія. Галлерей приводитъ въ мрачный храмъ, освѣщенный нѣсколькими лампадами. Тамъ сбоку въ нишѣ покоятся открытыми моци св. Лалибелы. Надъ нишей надпись: „кто былъ въ храмѣ Лалибелы, тому Богъ даетъ завѣтъ спасенія“.

Къ покровительству Лалибелы обращаются всѣ, впавшіе въ болѣзнь, постигнутые несчастьемъ, горемъ. Такія лица дають обѣтъ, по миновеніи бѣдствія, совершить паломничество въ монастырь Лалибелы и принести для святого подарка. Въ мрачномъ пещерномъ храмѣ ежедневно

можно видѣть массы богомольцевъ, большинство которыхъ приходитъ сюда по обѣту, доставляя въ даръ святому (т. е. его монастырю) муловъ, овецъ, коровъ, быковъ, козъ. Иные приносятъ ткани для священныхъ облаченій и покровы на гробъ святого, оиміамъ (ытганъ), воскъ (сэмъ) для свѣчей, пшеницу для евхаристіи, деревянное масло и проч.

Въ царствѣ Шоа, въ провинціи Зукала стоитъ монастырь Авуны Гавре Манфысь Кдуса (имя основателя: отецъ нашъ рабъ Духа Святаго). Это очень многолюдный монастырь, являющійся пригомъ предметомъ гордости всѣхъ абиссинскихъ христіанъ. Удивительно то, что дикіе кровожадные язычники, окружающіе Зукалу (галласы, пингалласы) чтутъ Гавре Манфысь Кдуса за великаго чудотворца, называя его „аббо“, и боятся чѣмъ бы то ни было оскорбить его обитель. Они даже считаютъ этого святого своимъ покровителемъ и обращаются къ нему съ молитвами при началѣ каждаго своего, обычно, гнуснаго и звѣрскаго предпріятія. Напр., шайка галласовъ, идущая охотиться на христіанъ, непременно, приблизясь къ оградѣ монастыря, усердно молится здѣсь объ успѣхѣ и даетъ обѣтъ принести угоднику подарки. Кому изъ дикарей удалось много паграбить и многихъ убить, тотъ приписываетъ такой успѣхъ покровительству Гавре Манфысь Кдуса и обязательно не забудетъ воротиться къ монастырю, чтобы поблагодарить угодника: дикарь перебрасываетъ черезъ ограду внутрь монастыря овцу или теленка; а то какую-нибудь цѣнную вещь, напр. слитокъ золота, клыкъ слона, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Уваженіе дикарей къ авунѣ Гавре Манфысь Кдусу простирается до того, что они не трогаютъ и не обижаютъ никого изъ закульцевъ (жителей Зукалы, гдѣ стоитъ монастырь). Убить зукальца дикарь считаетъ тяжкимъ грѣхомъ и слѣдитъ, чтобы не сдѣлать промаха. Встрѣтись съ христіаниномъ, онъ закидываетъ его вопросами: „откуда ты? куда идешь? какъ тебя зовутъ?“ Нѣсколько словъ, сказанныхъ встрѣченнымъ, даютъ дикарю знать, зукалецъ тотъ или нѣтъ (узнаютъ по выговору или акценту). Зукальцу онъ не только не дѣлаетъ зла и обиды, но ради „аббо“ надѣляется его подарками, угощаетъ, если есть чѣмъ, и отпу-

скаеть съ честью, нанутствуя благожеланіями, между тѣмъ какъ всякому другому христіанину (не изъ Зукалы) не долго думая, снимаетъ голову, чтобы присоединить новый черешъ къ семейнымъ трофѣямъ!

Упомянемъ еще о монастыряхъ: Сіонскомъ, Уальдыбба и аббы Саламы.

„Ціонъ“, стоящій въ Аксумѣ, хранитъ въ своихъ стѣнахъ національную абиссинскую святыню—Ковчегъ Моисея или—по болѣе употребительному теперь названію—Ковчегъ Божіей Матери (Таоте Марьямъ). Вліянію этой святыни абиссинцы, между прочимъ, приписываютъ свое благополучіе и то, что страна Эѳіоповъ, не смотря на усилія враговъ, сохраняетъ свою независимость по сіе время. И Сіонскій монастырь въ виду этого пользуется въ странѣ самыми лучшими привиллегіями и привлекаетъ къ себѣ болѣе всего богомольцевъ, жаждущихъ узрѣть хотя бы старинную кровлю храма, гдѣ стоитъ Ковчегъ, такъ какъ приблизиться къ храму, окруженному притомъ высокой стѣной, никто не можетъ. На сіонскій праздникъ (бааль Ціонъ), повторяемый ежегодно, въ Аксумѣ собирается такое множество паломниковъ, что весь городъ переполняется людьми. Въ домахъ городскихъ жителей размѣщаются всѣ пріѣзжіе аристократы (по 20—25 человекъ въ домѣ), а люди простого званія проводятъ дни и ночи подъ открытымъ небомъ, заполняя собою всѣ улицы и площади города. Иные, впрочемъ, строятъ себѣ временныя палатки. Весь этотъ людъ питается въ теченіе празднествъ приношеніями благотворителей. Весь народъ безъ различія пола, возраста, званія и состоянія—питается отъ одной общей трапезы. Никто не голодаетъ; всѣ бываютъ сыты и довольны.

Въ Абиссиніи нѣтъ монастыря или собора болѣе богатаго, чѣмъ Аксумскій „Ціонъ“. Онъ имѣетъ обширныя владѣнія, разрозненно помѣщающіяся то тамъ то здѣсь—на всемъ протяженіи Абиссинской имперіи. Ни одинъ епископъ, ни чаггэ, ни расъ, ни лика, ни одинъ сановникъ и ни одно учрежденіе, ни одинъ владыка, кромѣ развѣ императора, не имѣетъ такъ много земли и такія богатства, какія есть у Ціона. Все его достояніе дробится на множество мелкихъ помѣстій (гультовъ), управляемыхъ намѣстниками главнаго владыки въ Ціонѣ, носящаго титулъ „нэвридъ“. Много соборовъ и монастырей

находится въ вассальной зависимости отъ нэврида. Пользуясь его землей, они имѣютъ подчиненными себѣ еще низшіе приходы сель и городовъ. Титуль нэврида выше всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ титуловъ, за исключеніемъ титула чаггэ. Одежда нэврида блещетъ роскошью и великолѣпіемъ, но сдѣлана по образцу священническихъ одеждъ, такъ какъ нэвридъ—духовное лицо, „абба“. Онъ, впрочемъ, носить на головѣ уборъ, присущій только императору и заслуженнымъ лицамъ императорской фамилии, — и называемый „расъ оркъ“—золотая глава,—это шапка, сдѣланная изъ золотистой лъвиной гривы, вставленной въ золотой околышь. Когда шапка лежитъ на головѣ,—полоса золота обрамляетъ лобъ, а изъ нея густыми снопами торчитъ грива, исходящая на подобіе лучей. Значеніе шапки такое: грива льва свидѣтельствуемъ о могуществѣ, золото—о богатствѣ, лучи приравниваютъ нэврида къ солнцу, все согрѣвающему и оживотворяющему.

Уальдыбба—такъ называется большая монастырская область на сѣверной окраинѣ Эѳіопіи, вмѣщающая въ себѣ до 40 отдѣльныхъ монастырей. Изъ нихъ главныхъ три: 1) Соккаръ 2) Уаша и 3) Дальшега. Громадный лѣсъ, въ которомъ укрылись уальдыббаскіе монастыри, занимаютъ пространство въ длину въ $1\frac{1}{2}$ сутокъ пути. Лѣсъ идетъ параллельно берегу рѣки Такаде и упирается на сѣверѣ въ область номадовъ. Въ монастырскомъ лѣсу постоянно бродятъ шайки этихъ дикарей, ищутъ добычи. Они часто нападаютъ на монастыри, грабятъ казну и убиваютъ монаховъ, а нѣкоторыхъ уводятъ въ плѣнъ и дѣлаютъ пастухами своихъ стадъ. Нѣтъ возможности бѣднымъ отшельникамъ защитить себя отъ кровожадности дикихъ сосѣдей, приходится мириться съ судьбою. Къ указанному бѣдствію для монаховъ слѣдуетъ присоединить еще другое—убійственные смертноспы лихорадки. Особенность уальдыббаскаго климата та, что онъ вреденъ безъ исключенія для всякаго, кто въ первый разъ поселяется въ немъ. Но вредоносное дѣйствіе его продолжается недолго—всего двѣ недѣли, послѣ которыхъ наступаетъ кризисъ: больной—или умираетъ, или выздоравливаетъ, что бы не заболѣвать больше. Въ виду указанныхъ бѣдъ, связанныхъ съ жизнію въ Уальдыбба, поступленіе въ ея монастырь считается найвысшимъ подви-

гомъ. Поступающій рискуетъ жизнью во 1) со стороны климата, во 2-хъ) со стороны нападенія дикарей. Первая опасность имѣеть, положимъ, силу лишь на первыхъ порахъ, вторая же грозитъ жителю Уальдыбба непрестанно. Нужна твердая рѣшимость, чтобы поступить въ Уальдыбба, хотя желающихъ есть много; опасность какъ будто манитъ ихъ къ себѣ своею таинственностью и исполняетъ гордости ихъ сознаніе. Каждый изъ нихъ, исповѣдавъ предъ духовникомъ свои грѣхи и получивъ прощеніе, лишь только окончится срокъ епитиміи, готовый умереть ради Христа, — идетъ въ Уальдыбба. При входѣ въ уальдыббаскій лѣсъ, путника встрѣчаютъ „сторожа дороги“ (по абиссински: аккавѣ-ын-гыдда)—монахи изъ Уаша и Дальшега. Ихъ обязанность — дни и ночи сидѣть у дороги при входѣ въ лѣсъ, чтобы встрѣчать и провожать путниковъ, идущихъ въ какой-нибудь изъ уальдыббаскихъ монастырей. Сторожа приводятъ гостя къ воротамъ монастырской ограды и здѣсь его окружаетъ привѣтствующая радушная толпа монаховъ, которые напереерывъ спѣшатъ услужиться предъ нимъ. Кто-нибудь чуть не насильно стаскиваетъ съ плечъ гостя суму съ хлѣбомъ и пожитками и исчезаетъ съ ней гдѣ-то въ группѣ хижинъ; въ одной келійкѣ все заготовлено для любезнаго приѣма; гостя усаживаютъ; одинъ поливаетъ ему ноги, другой третъ ихъ полотенцемъ; приносятъ вина подкрѣпиться съ дороги; достаютъ у аббѣ-гаваса хлѣба и мяса.... Во всѣ послѣдующіе дни пришлецъ можетъ жить въ монастырѣ, сколько угодно времени, какъ гость, питаться отъ общей трапезы, участвовать съ монахами въ общей молитвѣ, если желаетъ; но никто не станетъ испытывать его на счетъ его намѣреній, т. е. на счетъ того, угодно ли ему поступить въ монастырь или нѣтъ. Заявить желаніе свое онъ можетъ, когда угодно. Проживъ годъ или два, гость, если присмотрясь къ жизни монаховъ, найдетъ ее несовершенною и неудовлетворяющею идеалу, можетъ уйти, любезно распростившись съ радушными хозяевами. Если хочетъ остаться, то заявляетъ объ этомъ игумену. Первый вопросъ, какой задаетъ ему игумень, слѣдующій: „какъ ты желаешь намъ помогать, — по духовному или по тѣлесному?“ Неофитъ выбираетъ одно изъ двухъ и сообразно съ этимъ ему игумень опредѣляетъ послушаніе. Къ духовнымъ трудамъ относятся:

непрерывное чтеніе псалтири, поклоны (отъ 2—10 и болѣе тысячъ въ сутки), постъ—сверхъ положеннаго, непрерывная молитва, пѣніе въ церкви, обученіе монаховъ грамотѣ и проч. Желаящаго служить „по тѣлесному“ заставляютъ исполнять какую-либо изъ слѣдующихъ работъ: 1) пасеніе стадъ 2) уборка поля и хлѣба 3) прислуживаніе въ трапезной 4) кухарство 5) шитье одеждъ 6) собираніе дровъ 7) ношеніе воды 8) собиранье кореньевъ для хлѣба 9) поправка и постройка жилищъ 10) стояніе на стражѣ и т. п. Отличительная особенность уальдыбаскихъ монастырей, — что тамъ не любятъ уклоняться отъ пострига. Самая рѣшимость прійти и поселиться въ смертоносномъ Уальдыбба выше всякой другой рѣшимости, въ томъ числѣ и рѣшимости на постригъ; отсюда новички, избравшіе мѣстомъ своей жизни какой-нибудь уальдыбаскій монастырь, сразу же спѣшатъ и постричься. Нареченнаго монаха стригутъ, закутываютъ въ пелены и, какъ мертвеца, кладутъ среди храма во гробъ. Около двухъ часовъ надъ нимъ прочитывается группую монаховъ псалтирь; игумень же, стоя у изголовья мнимаго мертвеца, шепчетъ ему на ухо монашескіе обѣты...

Уальдыбаскіе монастыри предпочтительно предъ всѣми прочими обителями Абиссиніи славятся строгостію жизни своихъ монаховъ. Строгость эта выражается: въ пищѣ, одеждѣ и молитвѣ.

Въ день памяти св. апостоловъ Петра и Павла всѣ уальдыбасцы оставляютъ глубину лѣсовъ и выселяются на берегъ рѣки. Здѣсь они строятъ себѣ временныя палатки и живутъ такъ все лѣто до сентября—собственно до праздника четырехъ животныхъ, приходящагося въ сентябрѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ съ Петрова дня часть монаховъ отрягается въ дальній захолустный лѣсъ—по ту сторону рѣки для собиранія кореньевъ, изъ которыхъ потомъ дѣлаютъ хлѣбы. Иногда самъ императоръ своими вооруженными силами приходитъ на помощь уальдыбаской монашеской экспедиціи, которой въ лѣсу грозитъ гибель отъ дикарей. Въ теченіе всего лѣтняго періода экспедиція искаживаетъ лѣсъ во всѣхъ направленіяхъ, чтобы собрать на зиму побольше кореньевъ, а оставшаяся на другомъ берегу прочая братія удваиваетъ свои молитвы за подверженныхъ опасности тружениковъ. Монахи держатъ все лѣто строгій постъ, ѣдятъ одинъ хлѣбъ

(изъ кореньевъ) и то разъ въ день — по заходѣ солнца. Къ празднику четырехъ животныхъ экспедиція должна возвратиться обратно къ своимъ. Если къ этому дню она не возвратится, то всё такъ и знаютъ, что она погибла; вся братія облачается тогда въ трауръ, увелчиваетъ постъ и устраиваетъ непрерывныя поминовенія за павшихъ. Но при удачномъ исходѣ экспедиціи, праздникъ четырехъ животныхъ ознаменовывается пиромъ и весельемъ. Ликование монаховъ не знаетъ тогда границъ. Въ честь возвратившихся братьевъ празднованіе длится двѣ недѣли. Много истребляется тучныхъ овецъ и быковъ, выпивается много вина и меду.

Праздникъ четырехъ животныхъ тѣмъ привлекателенъ для уальдыббасцевъ, что наканунѣ его прекращается тяжкій лѣтній постъ; всё монахи оставляютъ знойный берегъ Такацы и перекочевываютъ вглубь лѣса, гдѣ ихъ ожидаютъ зимнія кельи. Въ теченіе зимы уже не бываетъ такого продолжительнаго и усиленнаго поста, какой былъ лѣтомъ. Въ дни постовъ—рождественскаго, великаго и петрова уальдыббасцы хотя и ѣдятъ тоже одинъ хлѣбъ, какъ и лѣтомъ, но уже приготовляемый изъ свѣжихъ кореньевъ, слѣдовательно, ароматный и вкусный.

Хлѣбъ изъ кореньевъ—особенность пищи уальдыббасцевъ. Коренья эти бѣлаго цвѣта, ароматны и имѣютъ сладкій маслянистый вкусъ. Сначала съ нихъ сдираютъ верхнюю плотную корку, моютъ въ теплой водѣ и выставляютъ на нѣсколько дней подъ солнце для просушки; когда коренья совсѣмъ высохнутъ и затвердѣютъ, ихъ толкутъ на муку, изъ которой пекутъ потомъ хлѣбы.

Какъ въ постъ, такъ и не въ постъ уальдыббасцы ѣдятъ разъ въ день. Разница та, что въ скоромные дни трапеза бываетъ въ полдень, а въ постные—вечеромъ, по заходѣ солнца. Въ скоромные дни монахи ѣдятъ мясо дичи, овецъ, быковъ, и хлѣбъ изъ пшеницы или тефа, пьютъ пиво, медъ, вино и тѣдъ. Напитокъ тѣдъ (распространенный у абиссинцевъ) готовится обычно домашнимъ способомъ изъ меду. Медъ варятъ, примѣшивая къ нему нѣкоторые лѣсные плоды, ароматные цвѣтки и листья; всю эту смѣсь разливаютъ въ чаны, которые закапываютъ въ землю не-

дѣли на двѣ; послѣ этого получается необыкновенно вкусный, сладкій, полухмѣльный, подбодряющій напитокъ.

Одеждой уальдыббасцу служитъ одинъ * юлько монашескій хитонъ, изъ телячьей кожи, длиною ниже колѣнъ, съ рукавами, просторными у кистей рукъ (чего не бываетъ въ хитонахъ свѣтскихъ лицъ). Есть специалисты портные изъ монаховъ, умѣющіе красиво шить монашескіе хитоны. Особенно такими портными славится Уальдыбба. Тамъ хитовы окрашиваютъ въ золотистый цвѣтъ, получаемый отъ смѣси какихъ-то травъ; краска отличается такою прочностью и такъ похожа на цвѣтъ золота, что получается полная иллюзія: кажется, что монахъ надѣлъ рубаху, сшитую изъ тонкихъ листовъ золота. Нѣкоторые монахи опоясываютъ свои хитоны поясомъ — тоже изъ телячьей позолоченной кожи; сандалій никто не носитъ; на головѣ у иныхъ красуется „ковч“ — шапка, сшитая изъ эластичныхъ древесныхъ прутиковъ. Всѣ въ путь берутъ съ собой посохи.

Монахи, избравшіе своимъ послушаніемъ „духовные труды“, держатъ слѣдующее молитвенное правило. Отъ полуночи и до восхода солнца они выставляютъ нагіе, вычитывая псалтирь, удаче Марьямъ, Мелькаа Марьямъ, Мелькаа Иисусъ и проч. Каждый „духовный дѣлатель“ молится отдѣльно отъ прочихъ въ своей кельѣ, или чаще всего на открытомъ воздухѣ подъ деревомъ, если благопріятствуетъ погода. Послѣ восхода солнца молящіеся надѣваютъ хитоны и молятся въ нихъ до полудня; въ этотъ часъ полагается отдыхъ, а въ скоромные дни — трапеза; потомъ молятся до захода солнца, когда опять немного отдыхаютъ, причемъ, если день постный, вкушаютъ только теперь пищу, и, помолвившись еще мало, отходятъ ко сну.

Всѣхъ монаховъ, живущихъ въ Уальдыбба, около трехъ тысячъ.

Заслуживаетъ, наконецъ, вниманія монастырь аббы Саламы. Это небольшая обитель въ память святителя Фрументія, просвѣтителя Эіопіи, котораго эіопское имя было — Салама (радость). Въ богатомъ храмѣ обители покоятся открытыми мощи св. Фрументія, привлекающія къ себѣ толпы поклонниковъ. Обитель Саламы стоитъ одиноко на крутой скалѣ; на вершину ея взбираются, какъ и на дебре Дамо, при посредствѣ веревки. Одну половину скалы занимаетъ

монастырь, а другую—военная крѣпость, въ которой хранится царское имущество, казна, запасы ружей, пороху и т. п. Тутъ же содержатся въ золотыхъ оковахъ важнѣйшіе государственные преступники изъ царскаго рода, — обыкновенно рецидивисты. Провинившагося въ первый разъ ссылаютъ въ Дебре-Дамо, а потомъ, если случится новое преступленіе, заключаютъ на амба (скала) Салама. Здѣсь содержался въ оковахъ императоръ Ате Текла Георгисъ, низверженный съ престола Іоанномъ, царствовавшимъ въ Эфіопіи до 1889 года.

Перечисленные нами монастыри—первые и главные во всей Эѳіопіи. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще: 1) дебре-Бизанъ (въ провинціи Хамасоенъ) и 2) дебре-Какамо (въ провинціи Тамбенъ). Всѣ они пользуются автокефальностью, т. е. полною независимостью отъ центральной духовной власти, служатъ главными разсадниками духовнаго просвѣщенія въ странѣ и вмѣстѣ убѣжищами для тяжкихъ преступниковъ, преслѣдуемыхъ закономъ, обладаютъ большими богатствами и проч. Въ частности—монастыри: 1) дебре Дамо 2) дебре Либаносъ 3) Кдуса Лалибелы 4) Авуны Гавре Манфысъ Кдуса и 5) Ціонъ—составляютъ для Абиссиніи тоже самое, что для насъ—наши лавры: Киево-Печерская, Троице-Сергіевская, Александро-Невская и Почаевская. Для полной аналогіи замѣтимъ еще, что для абиссинцевъ болѣе всего дорогъ Ливанскій монастырь, какъ для насъ Сергіевская лавра. Авуна Текле Хайманотъ, основатель Ливанскаго монастыря, оставившій абиссинцамъ свои св. мощи, тоже для Эѳіопіи, что преп. Сергій для всей Россіи. Въ одномъ старинномъ эѳіопскомъ кодексѣ евангелія, въ послѣсловіи къ евангелію Матѳея говорится между прочимъ: „всѣ мы сыны отца нашего Текле-Хайманота Дебре Либаносскаго“ ¹⁾.

Обитатели Абиссиніи имѣютъ самую тѣсную и живую связь съ народомъ. По мнѣнію народа, все лучшее, высшее и святое хранится въ стѣнахъ обители. Оттого къ ней народъ обращается во всѣхъ случаяхъ жизни. Въ случаѣ нужды или бѣдности, абиссинецъ знаетъ, куда ему идти,—въ гедамъ или дебръ; тамъ его накормятъ, одѣнутъ, и да-

1) Jobi Ludolji, „Historia Aethiopia“, lib III. cap. 3 § 28.

дутъ еще хлѣба на дальнѣйшее пропитаніе. Туда же идутъ разрѣшать религіозныя сомнѣнія, просить совѣтовъ, ходатайствъ и проч. Чего не можетъ сдѣлать приходскій священникъ, — напр., — разрѣшить отъ безразсудной клятвы, облегчить епитимію въ случаѣ тяжкой болѣзни, это можетъ сдѣлать обитель (т. е. вся братія ея). Къ молитвамъ братіи обращаются всякаго рода больные, паралитики, бѣсноватые. За исцѣленіемъ бѣсноватаго обращаются обыкновенно къ монастырю, особенно прославившемуся святостью жизни своей братіи. Въ изгнаніи бѣсовъ принимаетъ участие вся братія монастыря въ полномъ составѣ. Это происходитъ такъ. — Связаннаго веревками больного кладутъ у ногъ настоятеля, окруженнаго монахами. Діаконы тутъ же назначаютъ каждому псаломъ или молитву, которые тотъ обязанъ прочесть. Обыкновенно читаются — псалтирь, уддасе Марьямъ, мелькаа Марьямъ, мелькаа Исусъ и проч. Читаютъ всѣ разомъ, — причемъ такъ, что если одинъ читаетъ, напр. 1-й псаломъ, другой въ это время произноситъ 2-й, третій вычитываетъ третій псаломъ и т. д. Благодаря такому распредѣленію, псалтирь прочитывается скоро, въ особенности если много чтецовъ. Послѣ обычныхъ молитвъ слѣдуютъ заклинанія, повторяемые всѣми молящимися. — Такъ бываетъ каждый день въ теченіе около мѣсяца. Наконецъ, въ указанный игуменомъ день совершается надъ бѣсноватымъ таинство крещенія. Къ этому времени большая толпа любопытныхъ собирается въ оградѣ близъ храма. Послѣ прочтенія обычныхъ крещальныхъ молитвъ и освященія воды предъ западными дверьми храма, монахи вводятъ бѣсноватаго въ укромное мѣсто церковнаго сада, гдѣ никто не ходитъ и гдѣ обыкновенно совершается важнѣйшая часть таинства крещенія. Тамъ больного раздѣваютъ до нага и ставятъ колѣнопреклоненнымъ на землѣ; въ это время игумень, взявъ крестъ, прикладываетъ его къ головѣ крещаемого, а правой рукой принимаетъ отъ діакона 1-й водоносъ крещальной воды и выливаетъ изъ него всю воду на больного поверхъ креста, произнося: „крещая тебя во Имя Отца“; потомъ беретъ второй водоносъ и, выливая изъ него на больного, говоритъ: „во Имя Сына“; наконецъ, выливаетъ третій водоносъ воды со словами: „во Имя Духа Святаго. Аминь“. Толпа народа, оставшаяся вдали

отъ того мѣста, гдѣ совершается таинство, наблюдаетъ за тѣмъ, что происходитъ съ бѣснотатымъ. Въ моментъ крещенія онъ приходитъ въ неистовство, рветъ веревки и кричитъ, что есть мочи: „выхожу, выхожу изъ него и не войду другой разъ въ него“. Иногда больной разрываетъ веревки и убѣгаетъ нагой къ вѣщему ужасу зрителей. Удостоившіеся крещенія бѣснотаты обыкновенно скоро выздоравливаютъ. Чтеніе надъ ними молитвъ продолжается до полного и совершеннаго излѣченія.

Важнѣйшія обители Абиссиніи играютъ важную роль даже въ политической жизни этой страны. Въ исторіи Абиссиніи бывали нерѣдко случаи, когда богатѣйшіе эіопскіе монастыри своими богатствами помогали императорамъ въ критическіе моменты и тѣмъ спасали страну отъ гибели. Случается и теперь, что въ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ владыки Эіопіи обращаются за помощью къ монастырямъ.

Въ заключеніе своей рѣчи о монастыряхъ Абиссиніи мы желали бы привести хотя приблизительныя статистическія данныя о количествѣ, на примѣръ, монастырей въ Абиссиніи, о численности монаховъ, о процентномъ отношеніи ихъ ко всему населенію Абиссиніи и т. п. Къ сожалѣнію, такихъ данныхъ найти совершенно невозможно. Сами абиссинцы не знаютъ себѣ числа. Императоръ не знаетъ даже, сколько у него солдатъ... Еще не бывало случая, что бы кто либо изъ правителей Абиссиніи предпринималъ исчисленіе народа или части его, исчисленіе церквей и монастырей, воиновъ, городовъ и проч.—Это потому, что перепись въ глазахъ абиссинцевъ преступленіе. Основаніе для такого взгляда абиссинскіе христіане заимствуютъ изъ Св. Писанія и именно изъ сказанія о переписи Давида. Известно, что когда Давидъ повелѣлъ военачальнику Юваву исчислить еврейскій народъ, то Богъ разгнѣвался за это и наслалъ на Евреевъ язву, истребившую 70,000 человекъ. (II Царствъ, 24 гл. и I Парлп. 21 гл.).

Е. Долганевъ.
